

Е. В. Хинкиладзе
Харьков

УТОПИЯ В РУССКОЙ ПРОЗЕ ПЕРВОЙ ВОЛНЫ ЭМИГРАЦИИ

Аналізуються особливості утопії в прозі російської еміграції першої хвилі. На основі типології, запропонованої Б.Ф. Єгоровим, твори А. Реннікова і В. Кримова осмислені як утопії масові, теоретичні; перша віднесена до сучасних, а друга визначена як ухронія, оскільки в ній майже немає часової конкретики; обидві є соціально-політичними з елементами науково-технічної, оскільки в них вирішуються питання суспільного життя, політики, залучаються проекти науково-технічних винаходів. Відзначаються прогнози письменників, які передбачили появу лазерної зброї, швидкісного транспорту, нових типів передачі інформації, електронних книг і планшетів. Їм вдалося також передбачити диктаторський характер європейських режимів, світову війну і руйнування колишнього світопорядку.

Ключові слова: утопія , антиутопія, ухронія, жанрова типологія.

Аналізуються особливості утопії в прозі російської еміграції першої хвилі. На основі типології, запропонованої Б.Ф. Егоровим, твори А. Реннікова і В. Крымова осмислені як утопії масові, теоретичні; перша віднесена до сучасних, а друга визначена як ухронія, оскільки в ній майже немає часової конкретики; обидві є соціально-політичними з елементами науково-технічної, так як в них вирішуються питання суспільного життя, політики, привабливі проекти науково-технічних винаходів. Відзначаються прогнози письменників, передбачили появу лазерної зброї, швидкого транспорту, нових типів передачі інформації, електронних книг і планшетів. Їм вдалося також передбачити диктаторський характер європейських режимів, світову війну і руйнування старого світового порядку.

Ключевые слова: утопия, антиутопия, ухрония, жанровая типология.

The article analyzes the characteristics of the first wave of emigration's utopia in Russian prose. On the basis of the typology proposed by B. F. Egorov, works by A. Rennikov and Krymov are comprehended as a mass utopia, theoretical, the first is attributed to the modern, and the second is defined as uhroniya because it almost hasn't the specifics; both are socio-political with scientific and technical elements as they are decided the issues of social life, politics, the scientific and technological inventions' projects are attracted. The writers' foresight are signed about emergence of laser weapons, high-speed transport, the new types of information transmission, e-books and tablets. They were also able to predict the dictatorial character of the European regimes, World War and the destruction of the old world order.

Keywords: an utopia, a dystopia, an uhroniya, the genre typology.

Среди малоизвестных читателю произведений первой волны русской эмиграции важное место, на наш взгляд, занимают утопии. И это естественно: пережив крушение мира, в котором они жили, писатели стремились к созданию той модели возможного будущего, в которой проблемы действительности разрешались бы самым невероятным образом, приводя к построению совершенного общества. Как справедливо пишет Б.Ф. Егоров, утопия – это «желаемое устройство общества или личностей в свете представлений об идеалах» [1, с. 3], или, как он в другом месте определяет ее, «мечта об идеальной жизни в любых масштабах и объемах» [1, с. 6]. Наряду с развитием утопии в русской литературе активно развивалась и антиутопия, показывавшая, что любые попытки преобразовать несовершенное общество являются источником социальных потрясений и ведут к катастрофе: напомним лишь «Мы» Е. Замятина. Утопия, как известно, изучена очень основательно. В одной из последних по времени монографических работ Б.Ф. Егорова «Российская утопия» (2007) дан обзор наиболее убедительных представлений об этом явлении, предлагается и ее типология [1, с. 5–12]. Исследователь полагает, что утопии делятся на массовые и личные, теоретические и практические, современные и отдаленные во времени, чудесные и трудовые, социально-политические утопии и не имеющие таких элементов, подразделяющиеся, в свою очередь, на научно-технические, природообразовательные, материально-бытовые; автономные и агрессивные. Л. Геллер и М. Нике выделяются такие утопии, как статические – динамические, бегства – реконструкции, прометеевские – пелагические.

Однако все типы, названные учеными, представляю собой «крайние формы»: «...в действительности часто встречаются смешанные жанры» [1, с. 8].

Черты утопии мы усматриваем в забытом романе А. Ренникова «Диктатор мира» (1925) и примыкающем к трилогии «За миллионами» романе В. Крымова «Фуга» (1935). В первом утопия совмещается с элементами фантастики, во втором утопию пишет главный герой, что создает причудливую форму романа в романе. К сожалению, в современном литературоведении не сделано сколько-нибудь убедительных наблюдений над этими текстами. Общие сведения о творчестве писателей содержатся в словаре «Русские писатели 20 века» (2000), где отмечается только, что, скажем, в романе «Фуга» писатель «развил авантюрную фабулу трилогии (превратив ее в тетралогию)» [5, с. 381]. О романе А. Ренникова «Диктатор мира» говорится, что в нем «звучит тоска по оставленной родине. Вернувшиеся в Россию эмигранты в романе Ренникова, обрели, наконец, покой и вспоминают свое “беженское житье-бытье” весело и радостно, как свою молодость; они говорят о том, как голодали, холодали, испытывая при этом особую нежность к прошлому» [3, с. 591]. Об особенностях поэтики произведений в рамках словарных статей говорить специально, разумеется, было сложно. Цель нашей статьи состоит в том, чтобы осмыслить особенности утопии А. Ренникова и В. Крымова как оригинальных явлений прозы первой волны эмиграции.

Утопия той поры, конечно, возникла не на пустом месте, а опиралась на мощную традицию предшествующей и современной ей литературы. Так, для достижения нашей цели важно напомнить о романах А. Оссендовского, «прямое дитя» романов которого, по словам Б.Ф. Егорова, – «Гиперболоид инженера Гарина» А. Толстого [1, с. 301]. Он создавался в те же годы, что и «Диктатор Мира» А. Ренникова, и, вероятно, можно предположить знакомство обоих авторов с произведениями предшественника. Уместно вспомнить также о произведениях В. Брюсова «Диктатор. Трагедия в пяти действиях и семи сценах из будущих времен» (1921), С. Шарапова «Диктатор. Политическая фантазия», «Кабинет диктатора», написанных в 1907–1910 гг., и Н. Олигера «Диктатор» (1910). Как пишет исследователь, «в “бунташные” годы XX века тема диктаторства частенько становилась предметом художественного изображения в утопиях», причем оценка этого «явления могла быть прямо противоположной» [1, с. 333]. В романе В. Крымова заметно знакомство автора с произведениями А. Толстого, во всяком случае, в нем использована идея влияния на мировое сообщество сверхмощными лучами.

«Фуга» В. Крымова была написана после завершения работы писателя над трилогией «За миллионами». Обосновывая семантику заглавия, он предваряет текст романа эпиграфом. «Фуга представляет собой точную и строго завершенную музыкальную форму. Ее главной характеристикой является одинаковая значительность всех ее голосов. В других музыкальных формах – в симфонии, в сонате, особенно в песне – один голос обычно является главным, а остальные подчиненными, но в фуге все одинаково важны... Фуга отражает в себе эрудицию и духовное напряжение. Она часто

удаляется от эмоциональных настроений, но иногда может выражать их с очень сильным подъемом...» [2, с. 5]. В эпитафии содержится и, так сказать, объяснение композиционных особенностей романа: «Составной частью фуги является эпизод, которых может быть много, и в них развивается главная тема или ее подчиненные, даются контрасты и иллюстрации... Вторичная, менее важная или сопровождающая тема, может позже захватить главную и доминировать над ней. В тех случаях, когда вторичная тема приобретает ту же важность, что и основная, fuga именуется “двойной фугой” или “фугой с двумя темами”. В наиболее законченной разновидности двойной фуги обе темы получают отдельную трактовку, но в конце сливаются...» [2, с. 5]. Автор строго выдержал заявленное соотношение двух тематических пластов романа. Один из них связан с историей жизни Арсения Аристархова, главного героя трилогии «За миллионами». Оказавшись в Европе, он отошел от предпринимательства и предался наконец исполнению своей мечты – писательству. Его роман, эпизоды которого прерывают основную линию повествования, и создает многоголосие «фуги». Аристархов пишет утопию, главным героем которой является гениальный ученый Олонов, которому удалось изобрести оружие, превосходящее все вооружения мира: «...результатом его работ в течение нескольких лет явилось открытие новых лучей, еще неизвестных науке, и вот этот стоящий на столе аппарат может посылать эти лучи по любому направлению. Лучи эти, как световые, преломляются в особых призмах. <...> Лучи можно собрать в тесные пучки и посылать в строго определенном направлении. Это не один аппарата, а вернее два. Один посылает одни лучи, другой – другие, так сказать, положительные и отрицательные, и в точке пересечения этих лучей происходит разряд. Лучи обладают такой мощной силой проникновения, что их можно сравнить только с космическими лучами...» [2, с. 10]. В отличие от инженера Гарина, охваченного маниакальным стремлением к мировому господству, Олонов стремится направить свое изобретение на разоружение всех стран и сохранение прочного мира: «Он перестал был биологом и электротехником, – говорит повествователь. – Стал мудрецом, который должен спасти человечество» [2, с. 51]. Ради уверенности в том, что его «лучи» являются эффективным регулятором жизни и смерти, Олонов не только проводит опыты над млекопитающими, но и прибегает к убийству человека. Его единомышленники, которым доверяется тайна уникального оружия, также обязаны убить человека, тем самым становясь сообщниками Олонова. «Туда должны войти лучшие люди от каждого народа. Сколько же их всего? Очень немного. Двадцать четыре, тридцать шесть... Эти люди, вступая, должны отказаться от всяких личных интересов, от права собственности, даже по возможности от семейных уз. Каждый из них, разумеется, будет пользоваться всем, что ему угодно, везде для него будет первое место, любая роскошь или любая простота, как ему нравится. Но права собственности у него не будет. Оно отнимается прежде всего и навсегда» [2, с. 53]. В. Крымов артикулирует идею, согласно которой тайный орден или общество посвященных,

обладающих оружием, превосходящим все имеющееся в мире, способны сдерживать агрессию воинственных стран, поменять расстановку сил, обеспечить благополучие народов. В этой модели есть немало моментов, свидетельствующих о беспомощности и сомнительности подобной идеи. Так, Олонов совершает убийство ради высокой цели, побуждая целую группу людей последовать его примеру. Установления мира он добивается отказом от национальных интересов ради общемировых и угрозой уничтожения военного потенциала стран, восстающих против его власти. Его правоту оправдывает лишь то, что противником нового миропорядка является Германия, что, вероятно, является аллюзией на современную В. Крымову действительность. Будущее мироустройство оказывается зависимым не от воли отдельных народов, их правительств, а от видения одного человека, хотя бы и воодушевленного высокими стремлениями.

В утопии А. Ренникова «Диктатор мира» создается иная модель будущего. Ее события разворачиваются в конце сороковых годов, когда плавают «по небу громоздкие автобусы», «взметнулись с площадок домов частные аэропланы», «отошел <...> первый цеппелин-поезд» [4, с. 5]. Политические события напоминают обычные для времени создания книги: «Во Франции по-прежнему конфликт между Палатой депутатов и Рабочим Сенатом... Законопроект об уменьшении налога на лиц свободных профессий не утвержден... Возвращен обратно в палату. – В Англии – забастовка художников... В Швеции – страхование семей рабочих на случай запоя главы семьи... В Тимбукту, на юге Сахары, сгорел кафешантан “Казино”... Во время исполнения кордебалетом популярной пантомимы “Грезы рабочего”...» [4, с. 8]. В быт прочно вошли приспособления для чтения, напоминающие сегодняшние планшеты: «У нее в руках – издание дешевой стеклянной библиотеки, получившей большое распространение в последние годы. Вместо прежних бумажных листков – одна только пластинка формата книги. Вделана в деревянную раму. Вставив штепсель и нажимая сбоку пружину, можно на матовой поверхности последовательно проявлять все страницы, одну за другой» [4, с. 8]. В отличие от приспособлений, которыми пользуются сегодня, стеклянная библиотека была изобретена лишь для дешевых изданий, посвященных оккультизму и мистике. В будущем, описанном А. Ренниковым, возможно быстрое перемещение по миру с помощью воздухоплавательных аппаратов, стремительно передается информация, более комфортен быт человека.

Однако мир остается несовершенен, и роль устроителя его на новых основаниях берет Диктатор Мира, публикующий в газетах свои требования. «Приказываю вам немедленно, по получению сего, оповестить правительства всех держав земного шара, что с настоящего момента, с 12 часов по гринвическому времени, я, по милости Божией, принял власть над земным человечеством. Первого мая, в день вашего праздника, будет издан первый приказ по народам и нациям. Да исполнится воля Божья. Человечество должно обрести себя. Мною будут восстановлены помянутые демократией и

социализмом духовные ценности. Свобода творческого духа, искание правды, уважение к человеку, любовь к Богу возродятся снова, чтобы указать людям утерянный путь. Горе народам, пожелавшим идти наперекор мне. Горе правителям, не исполнившим моих распоряжений. Президенты, короли, палаты, сенаты, советы, военачальники, армии всего мира – все отныне подчинено мне. В моей власти жизнь и смерть всех живущих» [4, с. 9–10]. Все требования диктатора сводятся к тому, чтобы подчинить себе все страны и народы, – для этого он применяет некую силу, парализующую непокорных. Но и в такой ситуации люди ухитрялись завершить свои обычные дела в ограниченное время. Победила диктатора лишь любовь. Пожелав получить силой благосклонность Ариадны, главной героини романа, он направляет на ее поимку воздушные суда, военную армаду, но неожиданно умирает. Финал романа с элементами фантастики представляется искусственным и надуманным. Комиссия по борьбе с мистицизмом находит Ариадну и ее возлюбленного Владимира в отдаленном уголке планеты и направляется по маршруту Петербург – Берлин – Женева. Никаких сведений о том, как устроилась их жизнь после возвращения, в этом тексте нет. Вероятно, Т.Г. Петрова, автор статьи о А. Ренникове, которую мы цитировали выше, имела в виду другое произведение писателя, «За тридевять земель». В утопии «Диктатор мира» повествование завершается намерением вернуть героев на родину.

В романе, написанном героем «Фуги», Арсением Аристарховым, и в произведении А. Ренникова плодотворным является мотив неведомой силы (оружия будущего), способной изменить миропорядок. У В. Крымова это лучи, напоминающие устройство инженера Гарина, под страхом действия которых Олонову удастся усмирить воинственную Германию и принудить другие страны сокращать вооружения. Аристархов свой роман не завершил, новый миропорядок, установленный ученым, так и не описан. В романе А. Ренникова, еще более слабом в художественном отношении, замысел Диктатора Мира представлен достаточно ясно. Он постоянно ссылается на Божью волю, проводником которой себя осознает. Его программа, изложенная в одном из эдиктов, имеет совершенно отчетливую направленность. Так, он предлагает социалистам всех стран немедленно покинуть места своего обитания. Новым местом их поселения станет Австралия, откуда могут выехать несогласные с этой идеологией жители. Материк предполагается огородить от всего мира, а переселение финансировать за счет тех банков, капиталы которых имеют отношение к социалистам. Рабочих-пролетариев диктатор требовал отправить на сельскохозяйственные работы, а их переселение оплатить тем, кто сочувствует социалистам. Органы печати во всех странах предполагалось сократить до минимума, а оставшихся подчинить церкви [4, с. 146–147]. Совершенно очевидно, что оба героя – и Олонов, и Диктатор Мира, – руководствуются благими намерениями, предлагая свои методы улучшения жизни человечества. Однако обе модели являются чуждолюдскими по своему характеру. Олонов готов пожертвовать

и отдельными людьми, и некоторыми народами для установления всеобщего блага; Диктатор Мира утверждает мировую монархию, имеющую антикоммунистический характер, проникнутую церковным диктатом и подчиненную воле одного человека. Оба произведения, вероятно, можно отнести к утопиям массовым, теоретическим (хотя оружие, подобное описанному в романах, и изобретено). Утопия А. Ренникова является современной, а В. Крымова – ухрония, поскольку в ней почти нет временной конкретики; обе являются социально-политическими с элементами научно-технической. Обе утопии являются утопиями бегства и являются динамическими.

Предвидения А. Ренникова и В. Крымова, как и авторов многих других утопий, частично исполнились. В мире появились жестокие диктаторы, диктовавшие свою волю человечеству и приведшие к неисчислимым жертвам, новые типы оружия, высокоскоростной транспорт, передвигающийся по воздуху и земле, иные способы передачи информации, Интернет, электронные книги и планшеты. Продолжая традиции российской утопии, оба писателя отталкивались от событий действительности и стремились противопоставить возможным сценариям развития событий собственный, в котором хаос может быть организован внешней силой, предлагающий пусть и искаженный, но все же порядок.

Библиографические ссылки

1. Егоров Б.Ф. Российские утопии. Исторический путеводитель / Б.Ф. Егоров. – СПб.: Искусство – СПб., 2007. – 416 с.
2. Крымов В.П. Фуга / В. Крымов. – Париж: Петрополис, 1935. – 315 с.
3. Петров Т.Г. Ренников / Т.Г. Петров // Русские писатели 20 века. Биографический словарь [Гл. ред. и сост. П.А. Николаев]. – М.: Научное издательство «Большая Российская энциклопедия», «Рандеву-АМ», 2000. – С. 590 – 591.
4. Ренников А. Диктатор мира. Роман будущего / А. Ренников. – Белград: Книгоиздательство М.А. Суворина, 1925. – 207 с.
5. Трущенко Е.Ф. Крымов / Е.Ф. Трущенко // Русские писатели 20 века. Биографический словарь [Гл. ред. и сост. П.А. Николаев]. – М.: Научное издательство «Большая Российская энциклопедия», «Рандеву-АМ», 2000. – С. 380 – 381.

Надійшла до редколегії 25 березня 2014 р.